

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

А.Л. Журавлев, А.В. Юревич

Настоящий сборник научных трудов служит продолжением изданных Институтом психологии РАН коллективных работ (Психология нравственности, 2010; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011), подвергая анализу ту же проблематику, актуальность которой в нашем обществе из года в год лишь возрастает.

Буквально каждое происходящее в нашей стране событие – от техногенных катастроф до выборов власти – демонстрирует, во-первых, первостепенную значимость морально-нравственного состояния нашего общества; во-вторых – невозможность эффективного решения других социальных проблем без преодоления его нравственного кризиса. Запредельная коррупция и неэффективность борьбы с нею, цинизм прокуроров, «крышующих» подпольные казино, и других высоких чиновников, беспринципность политиков, переходящих из одной партии в другую не реже, чем футболисты из команды в команду, бытовое хамство и многое другое свидетельствуют о тяжелейшем нравственном кризисе нашего общества, являясь одновременно его следствиями и проявлениями. Трудно не согласиться с писателем Д. Корецким в том, что «все упирается в честь и совесть. Законы – вторичное явление» («Разбычить» общество! 2012, с. 3). Без всякого преувеличения можно сказать, что *сейчас наша страна переживает один из самых трудных в нравственном отношении периодов в своей истории*. Губительность для общества разрушения его нравственных основ хотя и констатируется политиками, учеными и общественными деятелями, но в целом явно не осознается в полной мере, что еще больше усугубляет опасность.

Статистика показателей, которые могут рассматриваться как *индикаторы нравственного состояния* современной России, выглядит

удручающе. Наша страна занимает 1-е место в Европе и СНГ по количеству убийств на 100000 жителей, 2-е место по количеству беспризорников, 1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой по индексу Джини, выражающему неравномерность распределения доходов в обществе, 146 позицию из 180 возможных по индексу коррупции и т. п. (Доклад о развитии человека, 2009; Российский статистический ежегодник, 2009; Transparency International, 2009). В современной России ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения; от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. – убегают из дома; пропадают 25 тыс. несовершеннолетних; 5 тыс. женщин гибнут от побоев мужей; насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье; 12% подростков употребляют наркотики; более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в нашей стране; около 40 тыс. детей школьного возраста вообще не посещают школу; детское и подростковое «социальное дно» охватывает не менее 4 млн человек; темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности; в современной России насчитывается около 50 тыс. несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов (Анализ положения детей в Российской Федерации, 2007).

Несмотря на то, что в нашей стране есть и, хочется надеяться, всегда будет немало высоконравственных людей, способных служить для нации нравственными эталонами, не они задают тон на общественной арене, не они доминируют в средствах массовой информации и определяют происходящее в обществе. Наблюдается и достаточно известный феномен: «хорошие» люди – «плохое» общество, связанный с тем, что, например, один-единственный человек может сделать любую социальную ситуацию отвратительной, если остальные ее участники хотя и осуждают его поведение, но не могут его остановить. Происходящие события демонстрируют не только обострение нравственных проблем, но и нарастание нечувствительности к ним значительной части наших сограждан, а также снижение резистентности* российского общества к вопи-

* Вообще уровень этой резистентности имеет смысл рассматривать как одну из главных характеристик любого общества, имеющую не меньшее значение, чем дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм/коллективизм, мужественность/женственность (Hofstede, 1980) и т. п.

ющим проявлениям безнравственности. Оно «снимает» один моральный запрет за другим, невозможное совсем недавно становится возможным и не вызывающим активного общественного протеста, то есть планка нравственно приемлемого постоянно опускается. При этом ее снижение получает идеологическое обоснование со стороны псевдолибералов, придающих ему позитивный смысл «продолжающейся либерализации», а любая, казалось бы, совершенно однозначная в нравственном отношении выходка, например, такая, как совершенная панк-группой «Pussy Riot», находит немалое число сторонников, ее оправдывающих. Показательно и то, что, например, мнения в Интернете по любым морально-нравственным вопросам всегда радикально расходятся, и обнаруживается немало людей, готовых оправдать все что угодно.

Характерным для нашей страны становится формирование «консорциумов зла», включающих не только людей, систематически нарушающих нормы морали, но и идеологов такого нарушения, пытающихся оправдать его в общественном сознании и придать ему позитивный смысл. Происходит и «экстремализация зла»: оно проявляет себя во все более радикальных формах, а безнравственное поведение становится нормой и дополняется *антинравственным поведением* как не просто нарушающим нравственные устои, но и *имеющим целью их разрушение*.

Различные факты демонстрируют, что в восприятии значительной части наших соотечественников, в особенности представителей молодого поколения, *стирается грань между добром и злом* как основа нравственного сознания и поведения. Вспоминается представитель одного из африканских племен, которому совершавший турне по Африке выдающийся русский философ В. С. Соловьев задал вопрос о различении добра и зла. Его ответ прозвучал так: «Зло – это когда на меня нападает сосед, избивает до полусмерти, отбирает мой скот и мою жену, а добро – это когда я нападаю на соседа, избиваю его до полусмерти, отбираю его скот и его жену». Похожая прагматичность представлений о добре и зле во многом характерна и для современной России. Исследования, в том числе и проведенные авторами настоящего сборника, показывают, что многие представители нашего молодого поколения – «дети 1990-х и 2000-х» – вообще не используют эти категории при оценке людей и их поступков, предпочитая им такие критерии, как «выгодно – не выгодно», «круто – не круто» и т. п. Например, такой вид зла и, соответственно, нарушения закона и моральных запретов, как мошенничество, считают вполне

приемлемым способом «зарабатывания денег» около 90% наших молодых соотечественников (Стрижов, 2009). Растет, точнее, уже выросло поколение, многие представители которого не различают добро и зло, и трудно представить, во что превратится наше и без того «больное» общество, когда они выйдут в нем на главенствующие позиции. Но, хотя в целом степень псевдолиберального разложения наших сограждан обратно пропорциональна их возрасту, было бы совершенно несправедливым делить нравственную и безнравственную части нашего общества по возрастному признаку, приписывая безнравственность всей российской молодежи или, по крайней мере, ее основной части. Более того, огромное количество подростковых суицидов, по которому Россия вышла на первое место в мире, множество детей, убегающих из дома, и другие подобные явления помимо иных причин проистекают из того, что как ситуация во многих семьях, так и общая атмосфера в стране стали невыносимыми для значительной части подрастающего поколения.

Очень характерным для нашего общества стало также активное, а подчас и агрессивное *отрицание* его нравственной «болезни» и блокирование соответствующих дискуссий, в результате чего проблема перемещается «в сферу бессознательного» общества, где потенциально обретает еще большую разрушительную силу. Купируется путем негласного табу на ее открытое обсуждение и тема *безнравственного распределения собственности*. Это явление – один из главных источников безнравственности нашего общества – порождает массовое чувство вопиющей социальной несправедливости, а одновременно с ним – и легитимности безнравственных образцов поведения, характерных для новой элиты. Как показывают социологические опросы, «Для россиян абсолютно нелегитимна частная собственность на природные ресурсы», признать которую готовы лишь 2% наших сограждан (Мареева, 2012, с. 399). В результате «Население, 15 лет живущее в условиях рынка, считает рыночные отношения нелегитимными и аморальными» (Дондурей, 2007, с. 80).

Очень симптоматичными являются проводимые в нашей стране выборы кандидатов на различные государственные должности. Разительный контраст с зарубежными странами состоит в том, что там избиратели придают очень большое значение *моральному* облику кандидатов, а пресса напоминает им безнравственные поступки многолетней давности. У нас же подобные темы вообще не поднимаются во время предвыборных кампаний, а моральный облик политиков рассматривается значительной частью электората